

Один из современных поэтов заявил в «Литературной газете», что стихи Маяковского, привлекаящие его поначалу «примитивной эффектностью», способны вызвать «только скуку и легкую брезгливость». О Маяковском среди новых писателей говорить не принято: дурной вкус. Московская площадь, посредине которой стоит его тяжелый памятник, переименована обратно в Триумфальную. Только станция метро равнодушно сохраняет его имя.

Все это можно рассматривать как наказание. Вот только за что?

Если бы Всевышний был либералом, то — за издевательство над самой природой поэзии. Маяковский буквально изнасиловал свой талант, отдав его делу коммунистического строительства с редкостным сладострастием. Девять десятых его поэтической продукции действительно рифмованная азбука агитпропа, которую он создавал до последнего дня жизни. В своих советских стихах он был совершенно беспощадным вампиром-конформистом: воспевал насилие над побежденным классовым врагом, восхвалял зверствующую советскую цензуру, участвовал в травле Пильняка и Замятина, публиковавшихся за границей, требовал лишить Шалапина звания народного артиста за поддержку безработных русских эмигрантов, глумился над Горьким, медлящим с возвращением, аплодировал сталинским чисткам, поощрял ненависть к пра-

шис в очень надсадном, беспокойном отношении к культуре как системе запретов. Впрочем, в 10-е годы XX века распространявшийся в России авангардизм вообрал в себя культурную беспомощность Маяковского.

Маяковский родился поэтом божьей милостью. И все его современники, несмотря на дальнейшие политические разногласия, включая Ахматову, Пастернака, Цветаеву, считали его уникальным самородком. Он начал свою литературную карьеру как поэтический новатор и бунтарь, как футурист, нахватившийся идей у Хлебникова, ниспровергатель буржуазной культуры. В незабвенной желтой кофте выступая на эстрадах, он создал целую традицию русской эстрадной поэзии, болезненной переплавки слова в славу.

В эклектичной и очень путанной по мысли поэме «Облако в штанах» 22-летний Маяковский проклял все священные институты: религию, семью, мораль, культуру и легко добился скандального успеха благодаря формальной силе своих рифм, рваного ритма, неологизмов и гипербола. Он всему захотел сказать «нет», хотя запутался в одновременно безоговорочном осуждении и гуманистическом восхвалении человека, а также в превратностях любви, выставив себя жалким и преданным любовником. Он стал автором самой эпатажной строки русской поэзии: «Я люблю смотреть, как умирают дети», которую ему никогда не простила русская моралистическая

## Маяковский как заложник самоубийства

Наверное, Владимир Маяковский сейчас — самый мертвый русский поэт XX века. В России, из чистой вежливости и слабовыраженного исторического любопытства только что справившей его 100-летний юбилей, он никому не нужен: ни читателям, ни властям. Не нужен он и теперешнему поколению поэтов.

вославленной церкви, находившейся на грани полного уничтожения, призывал молодежь брать жизненный пример с председателя ГПУ. В знаменитом стихотворении 1929 года «Разговор с товарищем Лениным», которое многие поколения советских школьников были обязаны учить наизусть, Маяковский в сущности призывал к развертыванию систематического, повсеместного террора.

Он переживал, огорчался, скукоживался всякий раз, когда партия по тактическим причинам отступала от бешеного перевоспитания населения, как это случилось в начале нэпа, и расцветал, возрождался при возвращении к кровопролитию. Его заграничные стихи стали на долгие годы для последующих советских поэтов образцом ненависти к Западу, всем его культурным и политическим ценностям. Если сейчас внимательно перечитать все это, то поражаешься прежде всего чистоте его ярости, истоки которой хочется искать не в политических убеждениях, которые у него влились вместе с линией партии, а в каких-то глубинах его человеческой натуры.

Наверное, именно этот личностный мотив кровожадности смущал в последние годы его жизни бюрократический аппарат репрессий, не нуждавшийся в подобных, горячих и сомнительных, поощрениях, тем более что они выглядели как самовольный внешний голос. Либеральный вопрос постсталинской интеллигенции о том, пережил бы сам Маяковский репрессии середины — конца 30-х годов, нужно адресовать не Маяковскому, а сталинским бюрократам: они бы перехватили инициативу, они бы убили ненужного Маяковского раньше, чем он испытал бы первые признаки сомнений. Самоубийство Маяковского в 1930 году было исторически абсолютно логичным. Почва ушла из-под ног. Отдав делу партии всего себя, он умер, перестав быть полезным. Поэт обозначил выстрелом конец эпохи революционного романтизма и оказал своим самоубийством ценную помощь партии, которая освобождалась от необходимости его убивать. Недаром Сталин дал ему титул лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи.

Тем не менее не все с Маяковским просто. Он был создан из очень ломкого и депрессивного материала, мало соответствовавшего его фанфарной поэзии. В поэме «Во весь голос» Маяковский, обращаясь к потомкам, которые будут жить при коммунизме, неожиданно-негаданно определяет свое время как «окаменевшее дерьмо» и жалуется на то, что ему агитпроп «в зубах навяз». Рапповцы смотрели в корень: «гнилым», расколотым Маяковский был всегда, от начала до конца.

Он родился на грузинской окраине российской империи и по скорой смерти отца испытал все несчастья полусиротского детства, о котором не любил вспоминать. Рано примкнул к революционному движению, даже немного посидел в тюрьме, но, главное, недоучился, не окончил школы, и комплекс недоучки сохранился у него на всю жизнь, выразив-

критика, включая советских диссидентов.

В книге «Воскрешение Маяковского», написанной в последние годы советской власти, недавно умерший поэт и эссеист Юрий Карабчиевский, отважно разоблачивший политический конформизм Маяковского, полагал, что им создана особая поэзия самовыражения, ставшая поэзией своеволия и самоутверждения у его идейных эпигонов, в которые он зачислил, среди прочих, Иосифа Бродского. В какой-то степени Карабчиевский был прав. Русский неоавангардизм 70 — 90-х годов использовал некоторые приемы раннего Маяковского, не желая признаваться даже в самом отдаленном родстве к нему. Это — эпатаж, игра в цинизм, черный юмор, наконец, отвращение к культуре. Московский концептуализм последнего времени близок раннему Маяковскому поведенчески, стилистикой своих хепенингов. Концептуалисты заимствовали формальный имидж поэта, выбросив всю его содержательную начинку, будучи несомненно более зрелыми и изощренными в культурном отношении.

Маяковский с ранних пор был гипнотизирован идеей самоубийства. «Все чаще думаю — не поставить ли лучше точку пули в своем конце», — писал он в 1915 году в любовной поэме «Флейта-позвоночник». Энергия нигилистического бунта скорее подпитывала эту идею, нежели сопротивлялась ей. Необходимо было найти устойчивый позитивный взгляд на вещи, а точнее, жизненное себе применение, чтобы отвлечься от той «звериной тоски», о которой обмолвился Маяковский в 1918 году в одном из самых откровенных своих стихов «Хорошее отношение к лошадям». Революция дала ему шанс конвертировать все свои «нет» в революционные «да». Революция плюс эстрадная слава стали для Маяковского систематическим бегством от смерти, от своей человеческой слабости, вылезавшей наружу в его многочисленных и всегда нелепых, истерических любовных историях. Он свою собственную смерть раздарил врагам революции: белогвардейцам, попам, кулакам. Отсюда такая страстность его поэтического палачества, доходящая до садизма. Он наступал на горло собственной песни ради выживания, он нуждался в бунтарском, революционном поэтическом крике, но, заложник самоубийства, он не мог перекричать зов собственной смерти, только ее отсрокил. В напряженной борьбе со смертью Маяковский был большим поэтом, чем в большинстве своих стихов. Кончилось, однако, тем, что он стал самым мертвым поэтом.

Но это не точка. За Маяковским ближайшее будущее. Не зря Запад куда более снисходителен к нему, чем мы. Наплывающий российский капитализм со всеми своими прелестями уже беремен «грубым гунном» в новой желтой кофте, сочиняющим (укушенный смертью) новое «Нате!».

Виктор ЕРОФЕЕВ